

ОБЩЕСТВО

ГОРОД ГЕРОЕВ

Рюрик Дерябин: Я пришёл на завод в 15-летнем возрасте

Воспоминания одного из ветеранов «Мотовилихи», который в военные годы мальчишкой встал к станку вместе с опытными рабочими

Рюрик начинал работу на заводе учеником токаря, потом ему доверили токарный станок, был резьбощлифовщиком. Его трудовой стаж — 60 лет (с 1943 по 2003 год). Это потом будет служба в армии, техникум и институт. А пока — 1943 год. Отец Рюрика, мастер фабрично-заводского училища, посоветовал сыну идти не в ФЗУ, а сразу на завод. И вот бывший семиклассник школы №51 стал учеником токаря.

Рюрик Дерябин:

— А потом направили на участок протяжек. Это такой специальный инструмент, он шёл токарям и фрезеровщикам, которые делали снаряды и пушки. От качества работы инструментально-го цеха, от качества этого инструмента зависела чья-то жизнь. Неправильно нарезанный ствол пушки означает, что снаряд не попадёт в цель, а в это время будут погибать наши солдаты. Делать протяжки непросто, но я очень старался. И скоро научился.

На Молотовском заводе рабочие кадры готовились прямо на предприятии: отдел кадров организовывал курсы переподготовки, следил за повышением квалификации рабочих, разумеется, готовили рабочих всех специальностей, которые были необходимы.

К таким новичкам, как Дерябин, сразу определялся учитель, наставник. Его учил работать Пётр Лепихин, пожилой уже человек. «Он был классным токарем, настоящим мастером своего дела», — рассказывает Рюрик Дерябин.

Видимо, парнишка был сообразительным, потому что уже через полгода его фотография красовалась на Доске почёта. «Я старался чаще ходить мимо неё. Иду и поглядываю по сторонам: примечая, кто заметил, что особый человек мимо идёт...» — вспоминает Дерябин.

Сначала он работал на одном станке. Потом начал на двух, а затем и на

Рюрик Михайлович Дерябин на встрече ветеранов в заводском музее. 8 мая 2013 года

трёх станках. Это было возможно, потому что на первом станке операция продолжалась примерно полчаса. Пока на нём обрабатывалась одна деталь, трудился ещё над двумя. «Мне самому нравилось, что я такой проворный», — говорит ветеран.

Смена, независимо от того, сколько тебе лет, продолжалась 12 часов, даже для детей выходных и отпусков всю войну не было, а на обед давалось 20 минут. Вспомните себя в подростковом возрасте, и вам станет понятно, о чём говорит наш герой.

«Пайка не хватало. Всё время хотелось есть. Суп с начала весны в столовой давали такой: листья свёклы, крапивы, несколько кусочков картошки и столовая ложка рыбьего жира. Всё. Этот суп называли «баланда». А на второе — ложка каши. От такой еды меня почти всегда мучила изжога. Других тоже.

Спасались от неё тем, что ели мел — его выдавали, чтобы размечать детали. Помогало», — рассказывает Рюрик Михайлович.

Действительно, во время войны в Молотове многие голодали, были случаи дистрофии. Это заболевание коснулось не только тех, кто был эвакуирован из Ленинграда, но и многих пермяков. Рюрик Дерябин был очевидцем, поэтому его словам веришь и по-особому воспринимаешь события далёких лет.

Рюрик Дерябин:

— В соседнем цехе работал технолог, фамилии его я не помню. Крупный такой дядька. Ему, конечно, пайка вообще не хватало, он совсем дошёл. Его решили подкормить и отправили на три месяца в деревню. Но он всё равно не восстановился и вскоре умер. А ещё в цехе во время войны постоянно было холодно. Особенно, конечно, зимой. В цехах почти не топили. Мы грелись у печки, она была на соседнем участке — там она полагалась по технологии. Погреемся — и опять идём к холодному станку. А ещё курили. Все курили, и мы тоже. Взрослые помакивали, ничего нам не говорили. Однажды я пригрелся возле печки, забился в какую-то дырку и уснул. Мастер меня нашёл, вытащил за шкирку на свет божий и говорит тихонько на ухо: «Рюрик, надо работать. Рюрик, надо работать». А больше ничего не сказал. Я оклемался и пошёл к станку. И он этот случай мне никогда не напоминал.

Сколько тебе лет, не интересовало никого: раз пошёл на производство — работай, давай план. Дети быстро росли. Случаев нарушения дисциплины на заводе не было, ведь даже 30-минутное опоздание считалось прогулом, а за него давали семь лет лагерей.

Рюрик Дерябин:

— Что было человеку за невыполнение плана, я даже не помню. Потому что это было нереально. Все старались план перевыполнить. Тем более что за перевыполнение давали «стахановский» паёк, то есть повышенный. Я план постепенно стал перевыполнять немало. И зарабатывал «стахановский» паёк. На него хлеба давали не 600 г в день, как всем рабочим, а 800. Это была серьёзная помощь семье. На иждивенца (у меня сестрёнка младшая была) давали 400 г хлеба.

Однажды директор завода Абрам Быховский беспокоился по поводу того, что юному рабочему поручили делать сложную деталь. Руководителю объяснили, что парень молод, но он лучший мастер, а все опытные рабочие заняты, у всех ответственные задания. Но Быховский всё равно волновался: сталь, из которой нужно было делать деталь, была на вес золота. «Запороть» никак нельзя. А сама деталь — экспериментальная, только начали выпускать. «Подвешу тебя к крюку в потолке, если

деталь «запорешь», — сурово пошутил директор. Но потом доверие к парню стало безоговорочным.

«Уже в 1945 году Быховский пришёл к нам в цех и опять остановился у моего станка. Ему показалось, что я как-то не так работаю, как все. «Что это ты делаешь с деталью?» — спросил. «А мне так удобнее. Так беру, так поворачиваю...» — говорю. И я объяснил ему, что было бы ещё ловчее, если бы тут-то и тут-то полочка над станком была. Он подождал мастера и сказал: «Сделайте, как он говорит». И мне эту полочку сделали», — вспоминает Дерябин.

Молодые ребята успевали и дома помогать, и добывали пропитание — весной собирали крапиву, кислицу, полевую редьку, свежие шишки. Летом и осенью грибы и ягоды запасали на зиму.

Рюрик Дерябин:

— Знаете, какие вкусные молодые еловые и сосновые шишки! Они такие маленькие, приятные. И в них много витаминов. В 15 лет мне отец доверил ружьё. Мы ходили на охоту. Правда, редко — когда силы оставались. А танцы! Конечно, мы и на танцы бегали — в сад Свердлова. Там играл духовой оркестр. И на это силы откуда-то находились. Что ж, молодость! Ещё нам положено было ходить на курсы молодого бойца. 110 часов во всякое время года. И ведь это тоже после работы. Кто пропустит занятие, попадал за это на гауптвахту. Учили стрелять, бегать, ползать по-пластунски — весь Мотовилихинский пруд зимой на брюхе исползали. На лыжах ходили.

Война закончилась, однако трудное, голодное военное время плавно перешло в трудные и голодные первые послевоенные годы. Рюрику запомнился 1946 год, когда семья продала буквально всё, даже любимую отцовскую гармошку отдала за буханку хлеба.

Рюрик Дерябин:

— В 1946 году нас оправили в Новильинск на отдых. Это было осенью, когда пионеры учиться пошли. А нас туда привезли. Я об этом времени ничего почти не помню, только то, что мы всё время ели. Кормёжка была пять раз в день. И ещё мы могли прийти на кухню в любое время, и нам наливали и накладывали всё, что мы хотели. Это нас так после войны откармливали. Когда я после войны вышел в первый раз в жизни в отпуск, то в первый день отпуска проснулся и думаю: как это так — на работу идти не надо! Так же не бывает!

Они не считали себя героями, они просто делали свою работу, стремясь внести лепту в победное шествие нашей армии. Но они ими были — скромные труженики «Мотовилихи», благодаря которым раздался победный салют в 1945 году.

«70 лет Победы. Город героев»

